

Введение

Актуальность проблемы, связанная с трансформацией международных отношений, изменением взглядов на использование силы, появлением новых видов конфликтов XXI в. — гибридной войны (ГВ) и «цветной революции», настоятельно требует активизации исследований стратегической культуры (СК) как важного системообразующего фактора при решении задач стратегического прогнозирования и планирования с последующим внедрением результатов в различные сферы деятельности государства — политическую, дипломатическую, социально-экономическую, военную, культурно-мировоззренческую.

Сегодня во внешней политике ведущих мировых держав на передний план вместо «силы дипломатии» выступает «дипломатия силы». В дипломатической практике России в последние годы все более рельефные очертания приобретает своеобразный симбиоз этих двух понятий, что позволяет нашей стране эффективно использовать военную силу для достижения геополитических целей при расходовании минимума ресурсов для решения задач обеспечения национальной безопасности.

В свою очередь, дипломатия как средство осуществления внешней политики государства расширяет спектр способов достижения целей без провоцирования масштабного горячего противостояния, позволяет снизить риск втягивания страны в конфликты с высокой степенью неопределенности конечного исхода.

Формирование своеобразной интегрированной модели внешнеполитической стратегии России оказывает решающее влияние на СК нашего государства. СК отражает особый, присущий конкретной стране и ее народу характер поведения вооруженных сил в военнополитических ситуациях, связанных с использованием военной силы во внешнеполитической стратегии. В общем виде СК представляет собой совокупность стереотипов устойчивого поведения государства при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений.

Знание и учет особенностей СК как государств-союзников, так и геополитических противников России представляют собой важнейшее условие обеспечения эффективности внешнеполитической деятельности и проведения военно-стратегического анализа.

Особую значимость фактор СК приобретает в условиях эволюции военных конфликтов современности, трансформация которых приводит к превращению войны как процесса массовой вооруженной борьбы во всеохватывающее противоборство воюющих сторон. Изменяется баланс между вооруженной борьбой и невоенными действи-

ями сторон, при этом вооруженная борьба может играть разные роли: от главной, решающей, до второстепенной, страховочной. Развитие многих конфликтов современности подтверждает справедливость оценки тенденций в трансформации войны как общественного явления русским военным теоретиком А.Е. Снесаревым: «Война ведется не только мечом».

В XXI в. все более явной становится тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись, идут не по привычному нам шаблону. Широкое распространение получили асимметричные действия, к которым относятся использование сил специальных операций, частных военных компаний и внутренней оппозиции для создания постоянно действующего фронта на всей территории противостоящего государства, а также информационное воздействие, формы и способы которого постоянно совершенствуются. Все это осуществляется на фоне экономического давления и объединяется понятием «гибридная война».

Смысл современных конфликтов — гибридной войны и «цветной революции» — заключается не в физическом уничтожении противника, а в перераспределении ролевых функций стран, подвергшихся агрессии.

Для первой фазы гибридной войны характерно сочетание «жестких» невоенных средств и несиловых действий, в первую очередь, экономических и информационных. Если разрешить противоречия без применения военных средств невозможно, осуществляется переход политического процесса во вторую (высшую) фазу, в которой стороны переходят к вооруженному противоборству.

Однако современные информационные (гуманитарные) технологии использования критичности и внутренней неустойчивости позволяют разрушать государства и их коалиции без применения вооруженной силы за счет морально-психологического подрыва страны изнутри. С этой целью используется сочетание внешних и внутренних разрушительных факторов в ходе «цветной революции», представляющей собой новую социально опасную технологию демонтажа политических режимов.

Проведение сопоставительного анализа СК позволяет находить эффективные стратегические решения, что обуславливает важность задачи изучения и умелого практического применения этого уникального инструмента политиками, дипломатами и военными. Не вызывает сомнений, что СК неизбежно оказывает мощное воздействие на стратегию государства двумя возможными путями: либо организуя компетенции лиц, принимающих решения, либо формируя их адекватные представления о реальности. Каждый из этих путей обуславливает значимость изучения СК и применения полученных знаний в практической деятельности государства и его институтов.

Глава 1

Стратегическая культура

1.1. Культура и международные отношения

В международно-политической сфере одним из ключевых противоречий при формировании системы обеспечения международной безопасности выступает конфликт между объективной потребностью в усилении коллективного регулирующего воздействия человеческого общества на развитие процессов взаимосвязи и взаимозависимости и стремлением нынешних лидеров создания новой модели мироустройства сохранить в своих руках большинство рычагов такого воздействия. Конечная цель глобального управления должна заключаться в создании целостной системы, способной сопрягать потребности отдельных государств с интересами всего мирового сообщества. Суть происходящих трансформаций обозначается концептом «глобализация», которая «представляет собой процесс развития в масштабе всей планеты отношений комплексной взаимозависимости между государствами, обществами и национальными экономиками, сопровождающийся становлением нового мировосприятия, отражающего растущее единство мира»¹.

Однако противоречивость и неоднозначность действий государственных и международных акторов не позволяют сегодня говорить о «растущем единстве мира», а, наоборот, приводят к хаотизации международных отношений, что свидетельствует об очевидном дефиците управляемости международной системой в экономической, военно-политической и культурно-мировоззренческой сферах.

В процессе создания глобальной комплексной системы обеспечения международной безопасности как модели коллективного управления международными отношениями в эпоху глобализации важное место отводится восприятию и учету функций культуры в мировой политике. Решение этой задачи представляет собой серьезный вызов для политиков, дипломатов, военных и широких научных кругов,

---

¹ *Иванов И.С.* Внешняя политика в эпоху глобализации. М.: Олма Медиа Групп, 2011. С. 8.

поскольку в сфере мировой политики функции культуры во многом формируют понимание таких глобальных проблем, как трансформация современных международных отношений, политических систем и экономических взаимосвязей, эволюция военных стратегий, развитие системы глобального управления, противодействие вызовам и угрозам современному обществу. Выработка согласованного подхода пока далека от завершения, поскольку на сегодняшний день не существует не то чтобы единой, но и близких точек зрения на весь спектр перечисленных и некоторых других проблем.

Восприятие и учет функций культуры в мировой политике претерпевали серьезные трансформации по мере развития человеческого общества.

Культурные подходы к стратегическим исследованиям существуют в различных формах на протяжении сотен лет. Аргумент о том, что культура влияет на политику национальной безопасности, основан на классических работах, включая труды Фукидида и Сунь-Цзы. Карл фон Клаузевиц выдвинул эти идеи, признав войну и стратегию ведения боевых действий «испытанием моральных и физических сил»: «Целью стратегии было гораздо больше, чем поражение противника на поле боя — это было уничтожение боевого духа противника»¹.

В начале 40-х гг. XX в. проведенные в США исследования национального характера связали японский и немецкий стратегические выборы во Второй мировой войне с глубоко укоренившимися культурными факторами. В некоторых работах того времени были сделаны попытки оценить угрозы накануне и во время Второй мировой войны, определить корни национального характера или культуры в языке, религии, обычаях, социализации и интерпретации общих воспоминаний. Исследование национального характера стало популярным инструментом.

Американские политологи Г. Алмонд и С. Верба провели исследование концепции политической культуры в 1960-х гг., определив ее как «то подмножество убеждений и ценностей общества, которые относятся к политической системе». Они утверждали, что политическая культура включает в себя приверженность таким ценностям, как демократические принципы и институты, представления о морали и применении силы, права отдельных лиц или коллективов и предрасположенность к роли страны в глобальной политике. Политическая культура проявляется как минимум на трех уровнях — когнитивном, включающем эмпирические и каузальные убеждения; оценочном, состоящим из ценностей, норм и моральных суждений; и экспрес-

¹ Клаузевиц Карл фон. О войне. М.: Эксмо, 2013. 512 с.

сивном или аффективном, который включает в себя эмоциональные привязанности, паттерны идентичности и лояльности, а также чувства близости, отвращения или безразличия¹.

Пытаясь объяснить, почему ядерное оружие никогда не использовалось сверхдержавами во время холодной войны, политолог Томас Шеллинг впервые поднял концепцию «ядерного табу» в 1960-х гг. Он описал зарождающуюся традицию неприменения ядерного оружия как «общепризнанное ожидание того, что (ядерное оружие) не может быть использовано, несмотря на заявления о готовности применить его, даже несмотря на тактические преимущества в его применении»².

Для современного этапа характерен кардинальный пересмотр факторов, связанных с осознанием фундаментальной роли культурной неоднородности международного сообщества в мировой политике. Начало этому процессу положило окончание холодной войны, крушение социалистической системы и становление новой модели обеспечения международной безопасности, быстрый рост числа внутренних этнических и религиозных конфликтов. Новый размах приняли действия международного терроризма, важное влияние на политику государств приобрела массовая миграция.

Неоднородности в экономическом развитии, военной мощи, демографическом потенциале, разная степень доступа к энергоресурсам и ряд других факторов способствуют обострению конкурентной борьбы с применением силовых и несиловых средств и естественным образом проецируются на международные отношения и мировую политику.

Усиливается цивилизационная составляющая современных конфликтов, что требует углубленного изучения и учета в современной политике особенностей нынешних цивилизаций: евроатлантической (христианской), исламской, индуистской, буддийской и конфуцианской. Некоторые специалисты говорят также об африканской и латиноамериканской цивилизациях. Нельзя игнорировать тот факт, что культурная глобализация в ее нынешних, в основном вестернизированных, формах вызывает отторжение в ряде стран и регионов, где наряду с интернационализацией процессов в культурно-мировоззренческой сфере наблюдается резкое усиление внимания к сохранению национальной культуры и самобытности. Дискуссия вокруг национально-культурной самобытности получила новый импульс в связи с событиями 11 сентября 2001 г., которые у многих породили ощущение, что мир входит в фазу «столкновения цивилизаций».

¹ *Almond G., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston: Little Brown, 1965.

² *Шеллинг Т.К.* Стратегия конфликта. 2-е изд. Кембридж, Массачусетс: Изд-во Гарвардского университета, 1980.

Автор концепта «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон справедливо заметил, что «в возникающем мире этнических конфликтов и цивилизационных столкновений западная вера в универсальность западной культуры страдает тремя недугами: она ошибочна; она аморальна; она опасна»¹. Политические реалии современности показывают, что западная культура и западные ценности не универсальны, а попытки их универсализировать наряду с другими, незападными по происхождению, требуют четкого знания объективных границ.

Из сказанного следует, что в сфере международных отношений, мировой политики и обеспечения международной безопасности важное место принадлежит культурным и цивилизационным различиям между человеческими сообществами. Культура включает совокупность знаний и представлений о мире, разделяемых членами определенного человеческого сообщества, а различия в представлениях влияют на политику отдельных государств, на функционирование неправительственных и международных организаций, на общественное мнение и массовое поведение.

В общем случае понятие «культура» охватывает совокупность созданных человечеством материальных, духовных и социальных ценностей, функционирующих в качестве искусственных средств человеческой жизнедеятельности.

Важным объектом стратегии гибридной войны в культурно-мировоззренческой сфере является культурный код (КК). Словарь В.И. Даля говорит, что «код — тайна, тайнопись, загадка, секрет, шифр». Американский психоаналитик Клотер Рапай в своей книге «Культурный код» писал: «Культурный код — это культурное бессознательное. Он определяет набор образов, которые связаны с каким-либо понятием в нашем сознании. Это не то, что мы говорим или четко осознаем, а то, что скрыто даже от нашего собственного понимания, но проявляется в наших поступках. Смысл образов в разных культурах не совпадает».

Мысли и эмоции любого народа планеты окрашены историей культуры той страны, в которой он проживает, а данная свыше особенность этой страны в наибольшей степени проявляется в психологических реакциях людей. Культура страны на эмоциональном уровне определяет восприятие народом реалий современного мира, формирует его переживания, в результате сочетание жизненного опыта и эмоцией создает у каждого человека осязаемый образ мира. Появление осязаемого образа обуславливает особенности и направленность мыслительного процесса и формирует коллективные действия людей. Осязаемый образ делает граждан одного государства теми, кто они на самом деле есть.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 2. С. 145.

Люди разных стран, имея общую человеческую природу, обладают отдельным ото всех «коллективным подсознательным», «культурным бессознательным», что в общем виде называют «культурным кодом».

Таким образом, под КК принято понимать уникальные культурные особенности, связанные с сохранением устоявшихся стереотипов в сознании народа. Культурные особенности как социальный опыт передаются от предков к последующим поколениям и хранятся в виде закодированного в некоей матрице КК множества элементов, позволяющих идентифицировать культуру того или иного народа. В этом контексте КК представляет собой ключ к пониманию национального типа культуры, выделения в ней общего и особенного по сравнению с культурой других народов. Это не то, что говорится или зафиксировано в документах, а то, что скрыто от понимания, но проявляется на бессознательном уровне в поступках. При анализе стратегической культуры государства КК нации помогает прогнозировать ее поведенческие реакции, определяет народную психологию, позволяет предвидеть возможные действия во внутренней и внешней политике.

Исторически сформировались три типа глобальных культурных кодов: дописьменный (например, узелковое письмо), письменный (книжный) и экранный, находящийся сегодня в стадии формирования. В России существенные стереотипы национальной культуры закреплены в письменных источниках, начиная от «Повести временных лет» и «Слово о полку Игореве» и до произведений русских классиков. Важно отметить, что история нашей страны на протяжении столетий была связана с борьбой русского и других народов России с иноземными завоевателями, что предопределило преобладание патриотических, военных мотивов в национальной культуре, обуславливало непрерывный поиск инновационных средств и способов противостояния с многочисленными и технологически продвинутыми агрессорами, определило особую роль православия в культурных кодах русских, украинцев и белорусов.

С одной стороны, именно КК наряду с экономикой, военным и научным потенциалом обуславливает устойчивость нации к угрозам и вызовам современности. С другой стороны, понимание противником важности фактора культуры превращает КК в объект насилия, используемого для сокрушения страны, раскола и подрыва ее способности к сопротивлению.

Нацию, государство духовно сплачивает именно КК, который следует оберегать и контролировать, не допуская подмены. В России культурный код в конце XX — начале XXI в. усиленно размывался координированными действиями внутренних и внешних сил, и лишь

сравнительно недавно пришло понимание, что, уничтожив национальный КК, мы потеряем Россию, как потеряли великую державу СССР.

Сегодня усиленно размывается КК украинского народа.

В деле сохранения КК важная роль принадлежит образованию, построенному на незыблемых ценностях, базовых знаниях и представлениях о мире и нашем месте в человеческой цивилизации.

В образовательном процессе важная роль отводится таким предметам, как русский язык, русская литература, отечественная история — естественно, в контексте всего богатства национальных традиций и культур.

Планку требований должна задавать государственная политика в области культуры с опорой на широкий спектр современных инструментов: телевидение, кино, Интернет, массовую культуру, которые формируют общественное сознание, задают поведенческие образцы и нормы.

«Экранный» тип культуры в стратегии гибридной войны

Глобализация и информационно-коммуникационная революция существенно расширяют возможность целенаправленно воздействовать на КК нации, вносить в него коррективы вплоть до радикальной перекодировки и подмены казавшихся незыблемыми стереотипов в сознании народа. На такую перекодировку нацелена стратегия гибридной войны в культурно-мировоззренческой сфере.

Основным доводом в пользу применения военной силы для слома якобы «порочного» КК государств — жертв агрессии является утверждение о якобы несоответствии ценностных установок государства цивилизационным ценностям доминирующей страны (действия США в Югославии, Ираке, Сирии, военные провокации против Ирана).

Однако опыт конфликтов современности показывает, что наряду с подготовкой к классическим военным конфликтам следует совершенствовать возможности России противостоять несиловым средствам подрыва национальной безопасности в культурно-мировоззренческой сфере.

В информационной войне как части стратегии ГВ, заметно возрастает вес так называемого «экранного типа культуры», первые шаги по формированию которого следует отнести к началу XX в. Инструментами «экранного» воздействия на КК являются компьютеризация, Интернет, кинематограф, радио, телевидение. Особую роль играет цифровизация всех сфер общественной жизни страны.

Современные средства военно-политического анализа, например, матрица стратегической культуры, позволяют осуществлять прогнозирование и планирование развития экономической, социальной,

политической обстановки в отдельных странах и регионах, а также проводить подготовку общественного мнения к принятию важных государственных решений. В Интернете регулярно апробируются новые методики информационно-психологического воздействия на культурно-мировоззренческую сферу жизни государства, на массовое сознание населения. В этом контексте ученые Российского института стратегических исследований С.В. Рогачев и А.В. Виловатых обращают внимание на усиление фактора цифровой среды «как пространства политического манипулирования и инструмента реализации властных решений в условиях наращивания соперничества между ослабевающими и укрепляющимися центрами силы»¹. Цифровизация становится мощным фактором государственной информационной политики. Если до конца XX в. технологические инновации в информационно-коммуникационной сфере оставались периферийным вопросом в международных взаимодействиях, то сегодня использование возможностей Интернета формирует качественно новую основу для разработки стратегий ГВ и технологий «цветных революций» за счет высокой доступности и скорости передачи информации, отсутствия барьеров для информационных потоков.

Экранная культура складывается на основе сочетания компьютера с видеотехникой. Компьютеры несут с собой новый тип мышления и образования, характеризуемый быстротой и реактивностью, что обеспечивает экранной культуре лидирующие позиции в гибридном противостоянии государств сегодня и в обозримом будущем. Прогнозируется превращение всего мирового пространства в единое цифровизированное, компьютеризованное и информационное общество людей, что порождает немало вызовов и угроз национальной и международной безопасности.

Тесно связаны с КК понятия культурного фокуса, военной и стратегической культуры государства, формирующие основу широкого спектра моделей борьбы в культурно-мировоззренческой сфере, используемых в культурной политике страны.

Видный американский антрополог М. Херсковиц полагает, что каждая культура имеет определенный «культурный фокус» — преобладающую, существенную черту того или иного народа². Культурный фокус отражает тенденцию любого общества к особой сложности и изощренности одних аспектов и институтов на фоне относительной простоты других. Когда общество фокусируется, сосредоточивает

¹ Рогачёв С.В., Виловатых А.В. Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности в условиях цифровой реальности // РИСИ. Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6.

² Herskovits M. Cultural Anthropology. N.Y., 1955. P. 351.

усилия на развитии какого-то одного аспекта своей культуры, этот аспект становится очагом инноваций, так как именно он, а не другие, находится в центре внимания. У одних стран это развитие технологий и технические инновации (США и страны Европы), у других — развитие экономического и военного потенциала для того, чтобы на основе самопровозглашенной исключительности добиться глобального доминирования (США), у третьих — закон и право (Швейцария, Исландия) или оборона собственного государства (Россия) и т.д. Вопросы соотношения понятий «культурного фокуса» и «СК» представляют собой важный предмет отдельного исследования.

Отражение феномена «культуры» в военной сфере жизни общества имеет ряд специфических особенностей. При этом под военной сферой жизни общества принято понимать «область жизнедеятельности государства, которая объективно необходима для обеспечения его динамичного, устойчивого и безопасного развития, в которой занято большое количество специально подготовленных, имеющих отношение к военному делу людей, которая предполагает в своем функционировании использование государством в потенциальной или реализованной форме военной мощи страны и регулируется посредством военной политики на основе военно-доктринальных установок и определенной нормативно-правовой базы»¹.

Развитие и совершенствование военной сферы обусловлено необходимостью локализации и минимизации негативных последствий военных опасностей и угроз с использованием военной силы, вооруженных сил по их прямому предназначению — ведению вооруженной борьбы в военных условиях и в потенциальной, сдерживающей форме для предотвращения войн и агрессий против государства в мирных условиях.

В целом на смену классическим конфликтам приходит конфликт между культурами, и основным моментом обоснования применения военной силы является утверждаемое агрессором несоответствие ценностных установок страны-жертвы цивилизационным ценностям доминирующей страны. Культура, безусловно, является одним из важных факторов современной международной безопасности, однако требуется провести дополнительные междисциплинарные исследования ее глубины и сферы влияния.

Важно помнить, что ядром, сердцем каждой нации являются ее культура, история, язык, традиции, ценности и цели. Совокупность взглядов, отражающих интересы всех слоев общества, формирует идеологию. Чтобы подорвать живучесть и разрушить нацию, не

¹ *Бернацких И.В.* Военная сфера жизни общества: сущность, особенности и структура. М.: Военный университет, 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-sfera-zhizni-obschestva-suschnost-osobennosti-i-struktura>

вступая с нею в прямое военное противодействие, надо разрушить ее нравственное и идеологическое ядро — то, что определяет смысл и судьбу совместного проживания миллионов русских людей на одной территории долгие века.

Нацию создает образ ее будущего. Не абстрактное будущее, которое когда-нибудь нас настигнет с фатальной неизбежностью, а будущее как достижимая цель, как проект или национальная идея. Если образа будущего у нации нет, то у вас не будет ни нации, ни государства. Если у нации есть идеология и целеполагание, поддерживаемое культурой, наукой и системой ценностей, — у нации есть будущее¹. В широком понимании фактор идеологии является центральным, стержневым элементом СК.

1.2. Становление концепта «стратегическая культура»

Анализ научных работ, изданных в США и некоторых европейских государствах, позволяет выделить три «волны» интереса к вопросам СК. В целом лидерами исследований в сфере СК были и пока остаются США и некоторые другие страны Запада.

Первая волна исследований. Исследования связи между культурой и стратегиями национальной безопасности впервые начали проводиться в США в начале 40-х гг. прошлого века в рамках изучения «национального характера» Германии и Японии как потенциальных противников.

Однако после окончания Второй мировой войны ядерная угроза, связанная с развитием холодной войны, отодвинула на задний план изучение культуры и ее влияния на национальную безопасность. Главное внимание было уделено развитию геополитической теории сдерживания, основанной на предположении о преобладании рациональных подходов в политике противостоящих социально-экономических систем. Теория сдерживания неразрывно связана с концепцией взаимно гарантированного уничтожения, которая обеспечивает поддержание мира на основе неизбежности тотального возмездия противника в случае нанесения по нему первого удара. Основные положения теории сдерживания, разработанной американским дипломатом Джорджем Кеннаном в 1940-х гг., продолжают сохранять свою актуальность и сегодня, поскольку ядерное оружие до сих пор играет значительную роль в мировой политике, и военные доктрины России и США во многом основаны на использовании его как «фактора сдерживания».

В целом исследование связи между национальной культурой и стратегией не получило развития во время холодной войны.

¹ Ильницкий А.М. Гибридные войны: вызовы, угрозы, уязвимости // Национальная оборона. 2019. № 6. С. 4–12.

Вторая и третья волны исследований феномена СК в контексте изучения влияния культурных особенностей на международную безопасность охватывают период от начала 70-х гг. прошлого века и до настоящего времени.

Делаются попытки разработать модели, позволяющие адекватно отражать изменения в международной обстановке, связанные с распадом СССР и попытками формирования однополярного мира, сопоставить особенности поведения международных акторов в областях, связанных с использованием силы в международных отношениях, при проведении оценки вызовов и угроз, выстраивании военно-гражданских отношений, разработке концептуальных документов в сферах обеспечения международной и национальной безопасности.

Анализ носит многоуровневый характер и охватывает как национальную, так и организационную культуру (в том числе военную), которая формировалась в рамках национальной культуры.

Вторая волна исследований. В период 70-х гг. прошлого века начала формироваться вторая волна исследований по проблемам СК. Начальный импульс работам в этом направлении придало исследование эксперта корпорации РЭНД Джека Снайдера «Советская стратегическая культура: последствия для ограниченных ядерных операций»¹.

Д. Снайдер — автор термина «стратегическая культура» — в 1977 г. указал на некоторые исторические, институциональные и политические факторы, которые сформировали уникальный советский подход к разработке ключевых составляющих стратегии государства, и сопоставил их со взглядами тогдашних правящих элит США. Он отметил, что американские доктрины сдерживания и ограниченной ядерной войны противоречат глубоко укоренившимся советским взглядам; следовательно, советские лидеры, принимающие решения, видят мир через призму собственной уникальной СК, основные положения которой далеки от американских представлений о взаимной сдержанности при выборе целей и оружия. В результате был сделан вывод, что диаметрально противоположность стратегических культур двух стран не позволяет рассчитывать на переговоры о «допустимости» ограниченного использования ядерного оружия против СССР, и прогнозировался вероятный «односторонний ответ Москвы, предусматривающий ограничение ущерба своей стране путем нанесения по противнику неограниченного контрсилового удара». Объяснение этого феномена Д. Снайдер пытался найти в российской истории незащищенности и авторитарного контроля.

¹ Snyder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations // Santa Monica: RAND Corporation, 1977. URL: <https://www.rand.org/pubs/reports/R2154.html>

Д. Снайдер определил СК как «совокупность идеалов, условных эмоциональных реакций и моделей привычного поведения, которые члены национального стратегического сообщества приобрели путем наставления или подражания и поделились друг с другом в отношении стратегии».

Работа Д. Снайдера в то время представляла одну из немногих попыток разработать концепцию СК применительно к реалиям холодной войны и провести сопоставительный анализ стратегических культур государств-соперников.

Американский политолог Кен Бут называет «важной» выдвинутую Д. Снайдером концепцию СК и считает, что концепция самим Снайдером не была достаточно полно разъяснена, но придала импульс целому набору новых идей, подлежащих глубокому осмыслению и внедрению в практику военно-политического анализа.

Решению этих задач и ряда других посвящены работы К. Бута «Концепция стратегической культуры подтверждена» и «Стратегия и этноцентризм», в которых рассматривались сущности ядерной стратегии и отношений между супердержавами¹. К. Бут назвал формирование военной стратегии «сугубо этноцентрическим процессом», а его коллега Д. Кляйн утверждал, что «сравнительное, всеобъемлющее исследование формирования, воздействия и процесса изменения стратегических культур ведущих мировых держав в настоящее время» должно внести свой вклад в изучение феномена военной политики².

По утверждению К. Бута, понятие «стратегическая культура» относится к национальным традициям, ценностям, конкретным способам адаптации к окружающей среде и решения проблем, связанных с угрозой применения силы или ее применением. Бут считает, что СК помогает формировать поведение по таким вопросам, как использование силы в международной политике, чувствительность к внешней опасности, военно-гражданские отношения и стратегическая доктрина. В последующих работах К. Бута³ и некоторых других авторов (К. Грея, А. Вендта, Т. Хопфа, Т. Вулд, А. Джонстона, Л. Пая, М. Вилсона) подчеркивается, что актуальность концепции в эпоху глобализации нуждается в пересмотре.

¹ Booth K. The Concept of Strategic Culture Affirmed, *Strategic Power: USA/ USSR*: New York: St Martin's Press, 1990; Booth K. *Strategy and Ethnocentrism*. New York: Holmes and Meier, 1981.

² Klein Y. A Theory of Strategic Culture // *Comparative Strategy*. 1991. 10, 1; Lucian W. Pye, *Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Authority*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1985.

³ Booth K., Trood R. *Strategic Cultures in the Asia-Pacific Region*. New York: St. Martin's Press, 1999.